

DOI 10.25991/VRHGA.2020.21.2.020

УДК 130: 125: 27

В. А. Хохлов*

ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И ФИЛОСОФСКО- ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ XIX в.

Традиции отечественной духовной культуры важно воспринять в аспекте духовно-нравственного содержания известных произведений литературы Древней Руси, которое имеет исторические корни в жизни российского общества. Это прежде всего византийское этическое наследие. В статье проводятся исторические параллели между взглядами XIX–XX столетий и направлениями теологической мысли современного российского общества.

Ключевые слова: традиция, религия, Россия, культура, специфика евангельской традиции.

V. A. Khokhlov

*EVANGELICAL TRADITION, BYZANTINE CULTURE AND PHILOSOPHICAL AND
THEOLOGICAL THOUGHT OF XIX CENTURY RUSSIA*

Traditions of domestic spiritual culture is important to perceive in the aspect of spiritual and moral content of famous works of literature of Ancient Russia, which has historical roots in the life of Russian society. It is primarily a Byzantine ethnic heritage. The article draws historical Parallels between the views of the XIX–XX centuries and the directions of theological thought of modern Russian society.

Keywords: tradition, religion, Russia, culture, specificity of Evangelical tradition.

В русском обществе особое место занимают вопрос о формировании приоритетов национального сознания, а так же интерес к событиям отечественной истории. На специфику развития российской духовной культуры оказывали и оказывают многие важнейшие элементы византийской духовной традиции: самодержавно-монархический строй государственности, ортодоксальная церковность и объединяющая общество веротерпимость, истолкованная как всеединство и всечеловечность.

---

* Хохлов Виктор Алексеевич, аспирант, Русская христианская гуманитарная академия; victorius1@yandex.com

Россиянам были издавна чужды теологический модернизм и религиозная революционность. Распространенные на Западе «феминистские версии Писания воспринимаются православным христианином как непозволительное посягательство на священный текст, граничащее с кощунством» [5, с. 42].

Рассмотрим подробнее те аспекты византийской культуры, которые оказали влияние на формирование философско-теологической мысли России XIX в.

Во-первых, в российском обществе процаристские настроения в указанный период времени продолжали занимать господствующее положение. Важно помнить, что одним из центральных понятий политической идеологии православных государств, идущим из византийской эпохи, являлось понятие таксиса (др.-греч. τάξις), смыслом которого было осознание сближения земного и небесного порядков. Царская власть, которая несла как в Византии, так и в России функцию снятия государственного напряжения, становится центром схода, центром сил общественного напряжения.

В русской конфессиональной культуре власть «истинного православного» царя становилась гарантией возможного «спасения» после смерти. Поэтому во многом массовость крестьянских войн была связана не только с социально-экономическими процессами, но и с ощущением потери «чувства святости» государства, окончания «освященной благодатью» жизни и наступления бездуховности. Эту бездуховность четко ощущали религиозные философы начала XX в.

Как верно подмечает Г. В. Флоровский, государственными и общественными людьми той эпохи всеобщего «этатизма»

исповедовалось некое смешанное христианство, и во имя этой «всеобщей религии» и притязал властвовать и управлять. Тем самым и всем исповеданиям в Российской империи внушалось... приспособляться к своему частичному месту в системе... Это была самая притязательная форма этатизма — этатизм теократический [7, с. 134].

Таким образом, если на Западе постепенная секуляризация самостоятельности воззрений привела к тому, что там высшим критерием оценки деятельности человека стало богатство, индивидуальное благосостояние, то в России аналогичный процесс привел к господству представлений о «светлом будущем» как о достигаемой под руководством харизматической власти общности социальной справедливости. Выбор власти, составлявший сущность гражданских обществ на Западе, был в российском обществе единовременным, отменявшим на многие десятилетия возможность нового выбора.

Со специфическим развитием российской государственности связана и еще одна существенная особенность российской духовной культуры — всечеловечность и терпимое отношение к другим конфессиональным традициям. Как полагает С. С. Хоружий, «культура Серебряного века специфичное, даже причудливое явление... это тенденции к широкому синтезу, соединению разнородных, взаимно противоположных начал...» [8, с. 143]. О широком стремлении наладить мирный симбиоз разнородных конфессиональных культур свидетельствует множество фактов из культурной жизни России XIX — начала XX в. Достаточно широко известен факт терпимого отношения русских властей

к распространению ислама в Поволжье и развитию исламского просветительства уже со времен Екатерины II, которая своими распоряжениями и указами конституировала положение исламского духовенства в империи. Значительно позднее по протекции русских властей в столице Российской империи открывается соборная мечеть [1, с. 30]. Эти и другие явления в культурной жизни Российского общества свидетельствовали о свойственной российской самосознанию терпимости в отношении инарелигиозных традиций. Можно сказать, Российское государство, стремясь приспособиться к весьма агрессивному окружению и неудобной близости Запада, не только преодолевало свою специфику, но стремилось к институционализации такого положения. В условиях «тотальной этатизации» произошло реанимирование общины как социальной формы адаптивного, сплавивающего общения. С XVII в. идет интенсивный процесс распространения русской тягловой общины в Сибири, на Кубани, Кавказе, Украине. Эти процессы дали не только социально экономический, но и социокультурный эффект. Получили развитие коллективистские ценности, жившие в русском народе. Это стало основой героизма русского солдата, оживило царистские настроения, и было осознано как духовная ценность.

Во-вторых, в обозначенный имперский период российской истории продолжает сохранять достаточно существенное положение в общей структуре российской духовной культуры один из важнейших элементов византийского духовно-нравственного наследия — ортодоксальная церковность. По тонкому наблюдению С. А. Иванова, «если политический режим... и не предполагал никакой свободы для человека, то христианство ему свою высшую свободу предлагало... благодатная свобода могла быть дарована только в церкви» [3, с. 188]. Парадоксальность сложившейся к середине XIX столетия «духовной ситуации» состояла в том, что, несмотря на превращение церковных структур в бюрократический механизм государства, в русском обществе того времени возрождалась уникальная по своей динамике роста религиозная деятельность. Как пишет в своем фундаментальном исследовании А. В. Карташев,

Просветительно-богословский подъем сил русской церкви в этот период возрос еще и в связи с другим оригинальным культурным явлением... Мы разумеем участие в богословском творчестве русских мирянских сил [4, с. 319].

Обращение к евангельским истокам отечественной культуры, к проблемам истории нравственности в России ознаменовалось очередной волной русского религиозного возрождения, которая принесла не только оживление важнейших элементов русского православия, но и новые формы конфессиональной культуры, святости. Например старчество, которое было характерной особенностью именно русской духовной традиции. Несмотря на двухсотлетний период господства западнической по культуре и бюрократической по форме империи, созданной петровскими преобразованиями, православно-нравственный этос, привнесенный на Русь от византийской святоотеческой традиции, получил новый импульс к развитию на русской основе. Как отмечает в своих наблюдениях по истории русской святости Г. П. Федотов, произошло пробуждение от «летаргии» конца XVII столетия:

В век просвещенного неверия творится легенда древних веков. Самое явление Серафима в обстановке 18–19 вв. предполагает воскрешение мистической традиции, загложшей уже в Московской Руси... старец Паисий Величковский... становится отцом русского старчества. Непосредственно связанная с ним Оптина пустынь и Саров — делаются двумя центрами духовной жизни: два костра, у которых отогревается замерзшая Россия... [5, с. 375]

Таким образом, интерес к истории церкви, развитие богословия, критическое отношение к изолированности от общества структур Русской православной церкви, а также работа по приближению древнеславянского литературного языка к критериям того периода вызывали необходимость со стороны духовных деятелей обратить более пристальное внимание на свое место в нравственной жизни общества, задуматься об отношении к пастве. И здесь понадобилась практика отцов церкви ранневизантийской эпохи, каппадокийцев в особенности, которая не отрицала возможности восприятия достижений представителей светской культуры.

В конце XVIII — начале XIX в. православная традиция России дала подвижников двух родов: угодников, которые своим жизненным путем показывали пример духовно-нравственного совершенствования при полном отходе от «суеты мира сего», как св. преп. Серафим Саровский, и аскетов-пастырей, которые своим социально-обличительным словом стремились указать тогдашнему русскому обществу на нравственный упадок и злобу людей [2, с. 11]. Церковь умело вписывалась во все клеточки социального организма, приравнивалась к укладу окружающей жизни, определенной местности, людям. В каждом крупном селе, деревне имелись церковные приходы, пусть и небольшие. Тут формировалось мнение «мира», нравственно одобрялись или осуждались те или иные поступки или события.

Да и церковные обряды со всем своим драматизмом и символичностью, красочностью закрепляли духовно-нравственные традиции. Зрелищность, общение, эмоциональное восприятие — все это целенаправленно регулировало и нравственное сознание, воспитывало «паству».

Достаточно своеобразным и высоконравственным оказалось творчество известного русского православного мыслителя конца XVIII в. Паисия Величковского (1722–1794). Православный старец и архимандрит вновь возродил древнюю традицию русской религиозной жизни, используя опыт православного монашества Афона и Греции.

XX в., ставший веком колоссальных потрясений, оказался не менее трагическим по событийному содержанию, чем эпоха смут XVII в. и другие мрачные периоды в русской истории, когда православная традиция, религиозные мыслители, русская церковь оказались в положении истребляемых. На судьбах русской духовности в полной мере сказались разлад духовных устоев и окончательная потеря авторитета иерархией Русской православной церкви, ставшей частью государственно-чиновничьей системы, что особенно четко появилось в конце XIX — начале XX в.

Несмотря на постепенное убывание византийских религиозно-нравственных начал в общественно-политической и нравственной жизни России, интерес к истокам отечественной морали ни в имперский (1703–1917),

ни в советский, ни в постсоветский периоды российской истории не исчезал. Доминирующим элементом византийского духовного наследия остается православие: с конца XVIII в. возрождается подвижническая традиция православной аскетики — Паисий Величковский, Тихон Задонский, Серафим Саровский выдвинули восточно-православный, сугубо исихастский идеал нравственного совершенствования.

При рассмотрении дальнейшего генезиса отечественной нравственной культуры со всей остротой проявляется роль деструктивных тенденций «духовной ситуации XX в.», когда системное фрагментирование традиционных ценностей привело к разрушительным для всего общества последствиям, в т. ч. и для исторического сознания российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерасов Б. С. Социальная культурология: в 2 ч.: — М.: Аспект-Пресс, 1994. — Ч. 2. — 240 с.
2. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. — Ростов н/ Д.: Феникс, 1999. — Т. 1. — 544 с.
3. Иванов С. А. Византийское юродство. — М.: Международные отношения, 1994. — 240 с.
4. Карташев А. В. Очерки истории русской церкви: в 2 т. — М.: Terra, 1992. — Т. 2. — 569 с.
5. Митрополит Волоколамский Иларион. Переводы Библии: история и современность // Современная библеистика и Предание Церкви: Материалы VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви. — М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2016. — С. 21–43.
6. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. — Ростов н/Д.: Феникс, 1999. — 384 с.
7. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. — Вильнюс: Тип. «Вильтис», 1991. — 602 с.
8. Хоружий С. С. Путем зерна: русская религиозная философия // Вопросы философии. — 1999. — № 9. — С. 139–147.